

14
MONDAY

15
TUESDAY

16
WEDNESDAY

17
THURSDAY

18
FRIDAY

19
SATURDAY

20
SUNDAY

21
MONDAY

22
TUESDAY

ОТКРОВЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

«Зверская» работа Ирины Бугримовой

АВТОР: АЛЕКСАНДР ОЛЕШКО

ФОТОГРАФИИ: ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ИРИНЫ БУГРИМОВОЙ

В 13 ЛЕТ ПОД НОВЫЙ ГОД В ПОДАРОК я получил книгу *Ирины Бугримовой* «На арене и вокруг нее». Это было первое знакомство с прославленной дрессировщицей... Потом, во время учебы, 4 года я видел ее в эстрадно-цирковом училище почетным зрителем и председателем экзаменационной комиссии.

На выпускном вечере она подошла ко мне с большой звездой: «Хочу поздравить Вас отдельно. *Вы не такой как все.* Это хорошо. У Вас большое будущее. Это Вам».

Ирина Бугримова (1910 – 1991)

С этого началась наша дружба... Я стал студентом легендарной «Шуки» и, с радостью сообщив об этом Бугримовой, получил приглашение побывать у нее в гостях, в знаменитом доме на Котельнической набережной.

Мы часто перезванивались. Раз в два месяца Ирина Николаевна говорила: «Саша, это воскресенье – твой день». Сценарий визитов, за исключением последних двух лет, был неизменным. Вооружившись букетом простых цветов, крекером – любимым печеньем Бугримовой, к 14.00 я отправлялся в гости...

К встречам она готовилась. Всегда туфельки на каблук. (Это в 88!) Легкий макияж, прическа... Мы рассматривали многочисленные фотографии, копаясь в архивах, пили чай, разговаривали. Я попросил разрешение записывать что-то на диктофон, так что сейчас я имею уникальные записи. Случаи, встречи, то многое, что не вошло в ее книгу. То и дело Ирина Николаевна просила: «Этого не надо записывать... Об этом лучше не будем». Возмущалась, когда читала в прессе многочисленные интерпретации событий ее жизни: историю ограбления ее квартиры рядом с фамилией Галины Брежневой, про бриллианты, – «во-первых, это все неправда, хотя квартиру действительно ограбили, даже дверь испортили, но это грязь». Все ищут сенсацию. «Пусть лучше про работу мою пишут – я 40 лет провела в клетке, каждый день, зная, чем это может закончиться».

Начиналось все так...

Дочь известного харьковского врача-ветеринара, с детства увлекавшаяся миром животных, надумала стать трюковой артисткой кино. Овладение трюками требовало от нее многосторонней спортивной подготовки. Будущая артистка трудностей не боялась, стала чемпионкой СССР по конькам и легкоатлетическому пятиборью. Плавание, прыжки в воду, метание диска и ядра, гимнастика художественная и спортивная... Если же прибавить ее музыкальность и пластичность (Бугримова занималась в балетной студии), станет ясно, что готовилась она к артистической карьере серьезно. Случай свел ее в 1931 г. с цирком, которому она посвятила всю свою жизнь.

Сначала аттракцион «Полет на санях под куполом цирка». Потом «Высшая школа верховой езды» (Бугримова была блистательной наездницей) и аттракцион с хищниками. Бугримова – первая женщина укротительница у нас в стране и одна из первых в мире, вошедшая в клетку без партнеров. Партнерами стали львы. За творческую жизнь – 70 львов. Семьдесят характеров, индивидуальностей. Каждое представление – риск, неожиданности, которые могли привести к трагедии. Зрители лишь догадывались об этом. Трюки, яркие, эффектные, уникальные, придуманные Ириной Бугримовой, лишь результат. Многие из них можно было потом видеть в аттракционе Бориса Бирюкова, единственного ее ученика. Пирамиды, прыжки через обруч, огненное кольцо (а хищники, как известно, страшно боятся огня).

Раскачивались на качелях чуть ли не под куполом цирка (это притом, что львы не переносят высоты). Ездили верхом на лошадях... А «Самсон, разрывающий пасть льву»

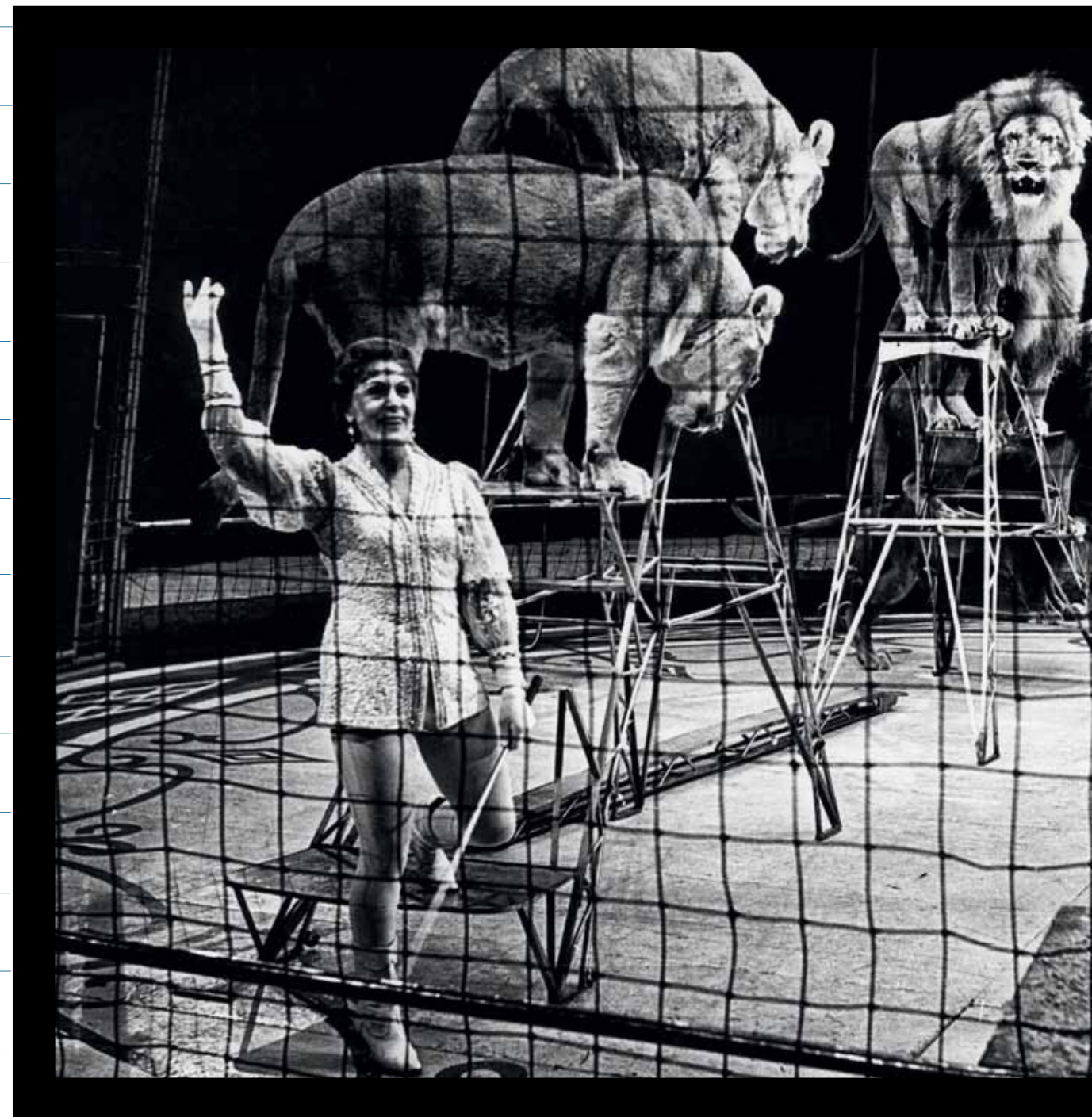
подтолкнул Бугримову к осуществлению еще более опасного трюка «Голова в пасти льва». Всякий раз, видя эту хрупкую, на первый взгляд, женщину, трудно представить, как ежевечерне, улыбаясь, она входила в клетку. Последние годы в ее квартире жил кот. Его не дрессировали принципиально. Хотя годами отработанные профессиональные жесты властной женщины то и дело указывали ему на место.

Ирина Николаевна ужасно не любила слово «пенсионер»... «Я ушла из клетки в 67 лет. Такого не было никогда и нигде.

Могла работать еще, на меня в очередь записывались. Популярность была велика...

Но я устала. Всю жизнь на колесах. Это тяжело. Особенно женщине. Хотя до сих пор не могу себя представить сидящей рядом с бабушками у подъезда. Это не для меня. Мне как ни позвони, все занято. Дома чаще всего не бываю. Я на всяких приемах, концертах, творческих вечерах, цирковых представлениях. Я член множества комиссий, правлений. Вообще, работы много. Каждый день расписан. Еще отказываюсь. Звонки с телевидения, каждый день моя знакомая, врач, говорит: «отдыхайте». Но если я день-два куда-нибудь не пойду, мне скучно. Я знаю, что должна встать, одеться и убежать из дома, решать массу проблем. Творческих, бытовых, материальных. Причем не своих. Я знаю, что кому-то нужен мой совет, моя помощь, мой авторитет, заслуженный многими годами работы».

Застать дома Бугримову можно было только вечером. Далеко полночь смело звонил: «Ирина Николаевна, вы спите?» – «Сколько уж лет не работаю в манеже, но раньше трех часов ночи не засну. Привычка выработалась за всю жизнь. Ночами, после представления, репетировала». – «Вам не страшно одной?» – «Я так набегаюсь за день, что закрываюсь вечером и никто мне не нужен... Я живу нормально. Считаю, что во всех случаях своей жизни поступила правильно. Несмотря на то, что я одна, у меня все есть. Карьера сделана, деньги всегда были – я много работала». – «А дети? Не жалеете, что не стали мамой?» – «Нет, я всю себя отдала делу, если бы был ребенок, я не смогла бы

не уделять ему должного внимания, но тогда страдали бы другие «дети», с гривой и большими когтями... Да и мужа, человека по себе, я все-таки не нашла. Ухаживаний было много, я даже могла пофлиртовать, но держала мужчин на расстоянии. Уж очень хорошо я про эту жизнь и про отношения узнала. Два раза я была замужем, но мои мужья не смогли правильно понять, что такое я. Они мне мешали. А я противница компромиссов. Мне случалось переживать любовь, и тогда я бывала особенно счастлива. А если бы я осталась замужем и стала терпеть то, что меня не устраивало, тогда бы точно моя личная жизнь не сложилась. В браке главное – взаимоуважение. Бывает, что женщина сдает свои позиции. Если муж обеспечивает ее деньгами, она готова мириться с какими-то неблагоприятными поступками. Мне это было не нужно. Я сама создавала материальную

базу, и все мужья жили при мне. Дом всегда в порядке, на уровне. И обед вовремя готов, и рубашка чистая. Но мужья почему-то быстро привыкали, считали, будто так и надо, и начинали вести себя черт знает как. Любовь в браке обязательна. Брак начинается с любви, но потом обязательно кто-то довлеет. Равных не бывает. Плохо, что на женщину ложится слишком много всего: и работа, и уход за детьми, и хозяйство. Цирковые семьи – одни из самых крепких. Муж без жены – и нет номера. Семья в цирке – это взаимозависимость, преемственность. Иной раз любви уже нет, но есть дети, которых они дальше готовят для цирка, для своего номера. Они этим увлечены, у них общие цели, общие заработки. Профессиональное содружество очень укрепляет семью. Для меня главным стала работа. Я отдавалась ей полностью и никогда не пожалела об этом, хотя и осталась

одна. Но это неплохо. Я принадлежу сама себе. Мне интересно жить. Работа – это не только радость, известность и слава. Бывали очень горькие минуты, когда не хотелось идти на манеж. Иногда мои воспитанники сильно подвели меня, результат – многочисленные травмы, которые часто напоминают о себе. Но лучше не вспоминать. Жизнь – это борьба. В преодолении весь смысл. Я очень люблю жизнь. Со всеми ее сюрпризами.

Последние два года Ирину Николаевну все больше и больше подводило здоровье. «Ужасно обидно. Я пала дома... Но это пройдет. Но все нужно вовремя. У меня было много трудных моментов в жизни, и я все переборола, перетерпела, сделала, доказала... Сейчас разработала программу восстановления – весной буду ходить». 9 месяцев она не выходила из дома. К себе мало кого подпускала. Все это время рядом старалась бывать как можно чаще ее племянница. Готовила, ухаживала...

Когда она считала что ее видеть сейчас нельзя, мы много говорили по телефону: «Я никогда не сдавалась. Может быть покой кому-то и снится, но мне он не нужен, этот покой... Надо что-то делать...»

«Я ушла из клетки в 67 лет.
Такого не было никогда и нигде.
Популярность была велика...»

Преодолевая трудные, мучительные дни, преодолевая боль, Бугримова дала несколько телевизионных интервью. Не многие знали, чего ей это стоило, но ведь речь шла о цирке, о деле, которым она занималась всю жизнь. Беда не приходит в одиночку, случилось еще одно падение, опять дома. О туфлях с каблукками с этого момента пришлось забыть.

Как-то по телефону Ирина Николаевна сказала: «У меня есть одно желание, которое никогда не сбудется, – подольше прожить. Но финал у всех все равно один. У меня очень сузился круг тех людей, с которыми я общалась. Остались считанные...» А потом добавила: «Очень хочется погулять на воздухе».

Когда появлялось свободное время, я звонил: «Может погуляем?» – «Я очень рада. Представляю, что об этом скажут бабушки у подъезда». От свежего воздуха у нее кружилась голова. Держась за мою руку, теперь уже с палочкой, она показала мне маршрут, ставший традиционным: от подъезда, мимо гаражей до супермаркета в этом же доме и обратно. В магазине всегда покупали рыбу для кота Нерона и крекер. На обратном пути всякий раз останавливались у знаменитых гаражей, Ирина Николаевна рассказывала об

автомобилях. «У нас с Буслаевым (муж – прим. автора) перебивали все модели автомобилей, начиная с первых «Эмок». Помню знаменитые, богатые артисты накупили «Зимы», ну и мы тоже, а они были страшно неудобные. На Кавказе так вообще невозможно было ездить по извилистым дорогам. Поэтому мы его вскоре продали. Так и повелось. Каждые 3 – 4 года новый автомобиль: «Победы», «Волги», «Москвичи». Я никогда не

рвалась к рулю, но Буслаев меня научил водить и на мотоцикле ездить. У нас был хороший «Харлей Дэвидсон».

Во время этих прогулок Ирина Николаевна часто вспоминала свою жизнь, наблюдая за людьми. «Вот смотри, хорошо одетая женщина, но ей это не идет. В юности я была кокетка и любила хорошо одеваться. Это, наверное, у меня от мамы. До революции она каждый год ездила в Париж и одевалась только во Франции. Потом все состояние «съела» революция, включая нашу усадьбу. Удивляюсь, как еще все живы остались. Я тоже любила, чтобы было модно, красиво и элегантно. Очень любила подбирать к нарядам шляпки. Самое главное, чтобы мне шло. Это неперемное условие. Бывает, одета женщина вроде бы и по моде, и вещи дорогие, но не идет ей – и все тут. И сразу все перечеркивается.

В манеже я меняла образ несколько раз, мне помогала художник Судакевич, которая является автором многих цирковых костюмов, и не только моих. Меня называли женщиной-вамп и балериной.

Я работала не только со львами. Очень любила лошадей и для души подготовила номер «Высшая школа верховой езды». Там я была то амазонкой, то дамой в кабриолете.

Многие удивляются, как я могу сейчас совершенно спокойно влезть в костюм сорокалетней давности. Да просто всю жизнь держала себя в одном весе. Все время следила за модой. Причем до такой степени, что, когда женщины с сигаретой вошли в моду, как-то незаметно я тоже стала курить и курила очень долго. Потом избавилась от этой привычки очень быстро и с большим удовольствием».

Наши прогулки были недолгими. Бугримова быстро уставала, и уже через час мы были дома. ②